

9. Catach N. La ponctuation: Histoire et système. 1 éd., Paris : Hachette, 1994. 417 p.
10. Fonagy I. Structure sémantique des signes de ponctuation // Bulletin de la Société de la Linguistique. Paris: Seuil, 1975. P. 56.
11. Leblanc J. De la ponctuation à la théorie d'énonciation. Paris : Hachette, 1998. 173 p.

References

1. Baudelaire Ch. Flowers of Evil: Poems. St. Petersburg: Abc-classics; 2009. 448 p.
2. Valgina N. S. Actual problems of modern Russian punctuation. Moscow: Higher School; 2004. 259 p.
3. Vyshinskij N. V. From world poetry: original texts with parallel translation into Russian / comp. and the author of the translation into Russian N.V. Vyshinskij. Moscow: Astrel; 2005. 382 p.
4. Nevzgl'adova E. V. Punctuation marks in poetic speech. Zvezda. 2016. No. 10.
5. French poems translated by Russian poets of the XIX-XX centuries / comp. E. Etkind. Moscow: Progress; 1973. 624 p.
6. Fourcade D. Contact and refraction. / comp. O. Severskaja. Moscow: OGI, 2002. 256 p.
7. Shapiro A. B. Ordered Russian spelling. Moscow: Higher School, 1974. 278 p.
8. Benveniste E. Les relations de temps dans les verbes français. Problèmes de linguistique générale. Paris: Nathan, 1974. pp. 237–250.
9. Catach N. La ponctuation: Histoire et système, 1 ed., Paris, Hachette, 1994. 417 p.
10. Fonagy I. Structure sémantique des signes de ponctuation. *Bulletin de la Société de la Linguistique*. Paris, Seuil ; 1975. pp. 56.
11. Leblanc J. De la ponctuation à la théorie d'énonciation. Paris : Hachette, 1998, 173 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 29.09.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 26.10.2021.

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-110-116

ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

С.О. Малевинский¹, М.С. Ткаченко²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

²tkmax@list.ru

Аннотация. Целью исследования является выделение и описание основных структурных типов лексических значений полнозначительных слов. Эти типы различаются в соответствии со способами их внутренней организации, а не в зависимости от характера обозначаемых ими предметов. Установлено, что существует как минимум шесть семантических типов полнозначительных слов: дескрипционные, компаративные, дейктические, анафорические, критериально-оценочные, реляционные.

Ключевые слова: полнозначительное слово, основное лексическое значение, дескрипционное значение, компаративное значение, дейктическое значение, анафорическое значение, критериально-оценочное значение, экзистенциально-оценочное, реляционное значение, синонимия

TYOLOGY OF MEANINGS OF FULL-MEANING WORDS

S.O. Malevinsky¹, M.S. Tkachenko²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

²tkmax@list.ru

Abstract. The aim of the paper is to identify and describe the main structural types of the lexical meanings of the autonomous words. These types are distinguished according to the modes of their inner organization, but not in dependence upon the character of signified objects. It has been established that there exist as a minimum six semantic types of the

autonomous words: descriptive, comparative, deictic, anaphoric, criterial-evaluative and relational.

Keywords: autonomous word, main lexical meaning, descriptive meaning, comparative meaning, deictic meaning, anaphoric meaning, criterial-evaluative meaning, relational meaning

Полнознаменательные слова отличаются, как известно, тем, что предназначаются для выполнения номинативной функции и обладают хотя бы одним основным лексическим значением, образующим своеобразный семантический стержень, своего рода смысловое ядро, вокруг которого объединяются многие другие составляющие их семантику значения и смыслы.

Содержание основного лексического значения (сигнификата, интенционала, словарного значения) представляет собой «пучок» семантических признаков (сем), которые все вместе необходимы и достаточны для идентификационной оценки потенциальных референтов слова в плане их соответствия/несоответствия выражаемому словом значению и связанной с этим возможностью/невозможностью быть обозначенными данным словом. Априорно исходя из возможности содержательного разнообразия семантики полнознаменательной лексики различных видов, можно предположить, что и принципы подбора и соединения идентификационно значимых семантических признаков в одно семантическое целое (лексическое значение) могут быть принципиально различными. В свое время на такую возможность указывал В.В. Виноградов, который еще в 1953 г. в статье «Основные типы лексических значений» писал: «Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений» [1, с. 171].

В.В. Виноградов не пытался выявить и описать какие-либо особые, специфические способы внутренней организации семантики слова. В своей статье основное внимание он уделил различиям, относящимся к происхождению и контекстуальным особенностям реализации различных лексических значений. Исходя из этих двух посылок, ученый предложил, во-первых, разграничивать значения основные и производные и, во-вторых, выделять в качестве особых типов фразеологически связанные, синтаксически закрепленные и конструктивно обусловленные значения. По собственно содержательным показателям В.В. Виноградов предлагал различать такие типы значений, как «номинативные» и «экспрессивно-синонимические», понимая под последними семантику так называемых стилистических синонимов, которые «выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда» [1, с. 173].

Вопрос о возможности каких-то более принципиальных различий в организации значений тех или иных категорий полнознаменательных слов стал актуален после введения в лингвистический обиход понятия дейксиса, а также в связи с повышением интереса языковедов к различным формам оценочности и способам вербального выражения оценочных значений. Проведенные по этим направлениям исследования показали, что все содержательное многообразие лексической семантики отнюдь не сводится к одному лишь отображению через посредство определенных наборов семантических признаков (сем) каких-то «существенных» признаков предметов и явлений реальной действительности. Помимо простого вычленения и отбора тех предметных признаков, которые закладываются в основу прямой и непосредственной лексической номинации, человеческий мозг оказывается способным производить и другие мыслительные операции, результатом которых становится формирование лексических значений, принципиально отличных по своей структуре и содержанию от обычных значений отражательно-понятийного типа.

Последние характеризуются в настоящее время как номинативные или дескрипционные. Их своеобразие заключается в том, что они «прямо направлены на действительность» и «являются непосредственными психическими коррелятами, умственными моделями предметов, явлений, их свойств, отношений, действий и состояний» [2, с. 111]. Слова с такими значениями, будучи употребляемы в составе каких-либо речевых сообщений, не только называют те или иные компоненты описываемых в этих сообщениях ситуаций, но и приписывают им те признаки, которые в идеальном виде содержат в своих лексических значениях. В этом, собственно говоря, и заключается сущность дескрипции, определяющей содержательную специфику значений данного типа. Так, к примеру, называя какую-то вещь словом *стул*, мы тем самым предлагаем

адресатам нашей речи некоторое хоть и приблизительное, но вполне определенное описание этой вещи, которое будет предполагать набор таких семантических признаков, как «предмет мебели», «предназначенный для сидения одного человека», «имеющий сиденье, спинку и ножки» и «не имеющий подлокотников». Все эти признаки конвенционально ассоциированы со словом *стул* как идентификационно значимые семы, образующие общественно принятое, узуально закрепленное и нормативно обязательное лексическое значение данного слова.

Предлагаемая современной семасиологией типология лексических значений целиком предопределяется онтологическим характером отражаемых ими предметов и явлений и является по существу типологией значений дескрипционного типа. Здесь прежде всего различаются значения предметные и признаковые (иногда интерпретируемые как денотативные и сигнификативные), а затем и те и другие подразделяются на более мелкие разновидности в соответствии со спецификой соотносимых со словами предметных классов – их денотатов. Классификация носит чисто номенклатурный характер, а общих принципов построения лексических значений она не затрагивает: как бы само собой разумеющимся представляется то, что значение (понятийное содержание) полнозначительного слова в любом случае заключает в себе простое отражение тех или иных особенностей, присущих обозначаемым этим словом вещам.

Между тем вербальная характеристика различных объектов может осуществляться не только путем прямого указания на присутствие им свойства и отношения, но и через сравнение этих объектов с какими-то другими, в чем-то похожими на них предметами и явлениями. Аналогичным образом и передача информации о том или ином референте речевого сообщения может производиться не только посредством приписывания ему признаков, отражаемых в значении какого-либо подходящего дескрипционного слова, но и через словесное указание на предмет, обладающий каким-то сходством с вышеозначенным референтом. И для выражения информации, организуемой таким образом и передаваемой таким путем, имеется определенный арсенал специализированных лексических средств.

К их числу прежде всего следует отнести те слова, у которых семантика сравнения (её можно было бы назвать компаративной) выражается в их прямых и единственных лексических значениях. Это прилагательные, имеющие в своем составе форманты типа *-видный*, *-образный* и *-подобный*, являющиеся непосредственными словообразовательными средствами выражения компаративных значений: *древовидный*, *стреловидный*, *серповидный*, *шишковидный*, *звездообразный*, *подковообразный*, *желеобразный*, *человекообразный*, *громopodobный*, *зверopodobный*, *женоподобный* и т. д.

Кроме того, у целого ряда прилагательных значение компаративности может выступать в качестве вторичного, переносного, производного от первичного значения принадлежности какого-либо предмета или признака его владельцу, ср.: *аристократическое происхождение (у дворянина)* и *аристократические замашки (у плебея)*, *баранья шкура* и *баранье упрямство (у человека)*, *гвардейский полк* и *гвардейский рост*, *лошадиное ржание* и *лошадиное лицо*, *слоновый хобот* и *слоновья грация*. В современных словарях значения такого рода толкуются по схеме «такой как у ...», что как нельзя яснее указывает на их компаративный характер.

Совершенно особый способ организации семантической информации реализуется в значениях дейктических слов (от греч. *deiksis* – указание). Их смысловое содержание также является собой некое специфическое описание обозначаемых ими предметов. Однако описание это заключается не в репрезентации тех или иных предметных признаков, а в соотношении обозначаемых предметов с теми конкретными ситуациями общения, в которых они фигурируют в качестве референтов речевых высказываний.

В самом начале лингвистической разработки теории дейксиса некоторые авторы пытались отрицать наличие какого-либо информативного содержания у словдейктиков, признавая за ними только референтную соотнесенность в рамках того или иного высказывания [см., напр.: 3, с. 166]. Однако с точки зрения современных научных представлений, значения, содержащие определенную информацию о соответствующих референтах, у такого рода слов все же есть. Правда, значения эти, взятые сами по себе, имеют крайне абстрактный характер и обретают полноценное семантическое наполнение только применительно к конкретной коммуникативной ситуации. Так, местоимение *я*, выражающее в общем виде «указание говорящего на самого себя», в составе конкретного речевого произведения, вписанного в определенную коммуникативную ситуацию, приобретает смысл, соответствующий или нашему непосредственному восприятию говорящего человека, или нашим представлениям о каком-то лице, известном нам в качестве автора данного текста. Аналогичным образом

не только местоименные, но и некоторые наречные слова обретают определенный смысл, конкретизирующий их словарные значения только благодаря опоре на ситуацию общения. Речь идет о так называемом хронотопическом дейксисе, по законам которого, например, наречия *здесь* и *сейчас* приобретают функции указания на конкретные место и время только в зависимости от того, где и когда осуществляется тот речевой акт, в котором эти наречия используются.

Как особая разновидность дейксиса традиционно интерпретируется функционирование так называемых анафорических слов, речевая семантизация которых осуществляется с опорой на какие-то элементы предшествующего контекста. Речь идет о местоимениях и наречиях типа *он*, *этот*, *тот*, *такой*, *там*, *тогда* и т. п., речевые (или контекстуальные) значения которых практически совпадают со значениями тех содержащихся в предшествующих контекстах слов, с которыми они анафорически соотносятся. Думается, что своеобразие семантики такого рода может служить достаточным основанием для выделения лексем анафорического характера в качестве отдельного, вполне самостоятельного семантического типа.

В последнее время как об одном из основных видов лексической семантики в семиологической литературе много говорится об оценочных значениях. Последние часто отождествляются со значениями эмотивного характера, а иногда трактуются как особые аксиологические смыслы, отражающие ценностный подход, ценностное отношение людей к действительности. Единой, общепризнанной классификации оценочных значений пока еще не существует. Разноречивость в трактовках своеобразия таких значений во многом обусловливается недостаточной теоретической разработанностью самого понятия оценочности в современной науке, причем не только в языкознании, но в первую очередь в философии и логике, где учение об оценках традиционно рассматривается как всего лишь один из аспектов общей теории ценностей. Корень же большей части затруднений в осмыслении феномена оценочности и специфики оценочных значений кроется прежде всего в игнорировании обычной для большинства общеупотребительных слов смысловой многозначности самого слова *оценка*.

Судя по нашим наблюдениям, оно используется в современном научном дискурсе в двух совершенно разных, не сводимых к общему знаменателю значениях, которые могут быть определены как: 1) переживание и выражение того или иного позитивного или негативного отношения субъекта оценки к оцениваемому объекту и 2) мысленное соотнесение оцениваемого объекта с тем или иным оценочным критерием. Исходя из принципиального различия этих двух пониманий слова *оценка*, думается, и следует анализировать семантику лексических единиц, обладающих оценочными значениями.

Те лексические значения, содержание которых призвано отражать результаты сопоставления какого-либо предмета с каким-то оценочным критерием, вполне могут характеризоваться как критериально-оценочные. Специфика содержательной организации этих значений, безусловно, заслуживает того, чтобы выделять слова, выражающие такие значения, в особый семантический тип.

Если же говорить о типологии критериально-оценочной семантики, то здесь все будет определяться характером тех стереотипных ментальных образований, которые могут выступать в роли оценочных критериев. В соответствии с этим вполне отчетливо могут быть выделены те типы критериальных оценок, результаты которых непосредственно отражаются в значениях соответствующих критериально-оценочных слов:

1. *Экзистенциальные оценки* (или *оценки типичности*), в которых критериями служат ментальные стереотипы, содержащие в себе представления о признаках, наиболее типичных для тех или иных предметных классов. Выражаются прилагательными типа *типичный – нетипичный*, *обычный – необычный*, *ординарный – неординарный*, *заурядный – незаурядный*, *выдающийся*, *великий* и т. п.

2. *Количественные оценки*, где в качестве критерия выступает человеческое представление о некоем нормальном, среднестатистическом уровне проявления какого-либо признака, характерного для определенного предметного класса. Оценочные значения указывают здесь или на превышение данного уровня, или на недотягивание до него. Языковыми средствами выражения параметрических оценок являются прилагательные типа *большой – маленький*, *высокий – низкий*, *широкий – узкий*, *толстый – тонкий*, *тяжелый – легкий*, *дорогой – дешевый*, *бедный – богатый* и т. п.

3. *Гностические оценки*, отражающие соотнесенность каких-либо утверждений с нашими представлениями об истине. Находят свое выражение в значениях прилагательных *истинный – ложный*, *правдивый – лживый*, *правильный – неправильный*,

верный – неверный, абсурдный, вздорный, антинаучный, точный – неточный, исчерпывающий – неполный и пр.

4. *Стандартные оценки*, где критериями являются различные стандарты – совокупности определенных требований, предъявляемых к качеству тех или иных вещей. Такого рода оценки выражаются чаще всего при помощи таких прилагательных, как *стандартный – нестандартный, качественный – некачественный, доброкачественный – недоброкачественный, бракованный, грубый, топорный, добротный, первосортный, первоклассный* и др.

5. *Нормативные оценки*, состоящие в фиксации соответствия или несоответствия каких-то человеческих действий тем или иным поведенческим нормам, правилам, законам и установлениям. Выражаются обычно такими словами, как *правильно – неправильно, законно – незаконно, этично – неэтично, аморально, безнравственно, модно – немодно* и т.п.

6. *Телеологические оценки*, где в роли оценочных критериев выступают цели производимых людьми действий. Выражаются при помощи прилагательных *целесообразный – нецелесообразный, эффективный – неэффективный, успешный – неуспешный, полезный – бесполезный* и под.

7. *Эстетические оценки*, при которых оценочными критериями являются эстетические стереотипы, формируемые на основе гедонистического чувства эстетического наслаждения. Выражаются прилагательными типа *грациозный, гармоничный, дисгармоничный, безвкусный, вычурный, аляповатый, антихудожественный, высокохудожественный* и т. д.

8. *Идеальные оценки*, фиксирующие соответствие или несоответствие тех или иных вещей имеющимся у нас идеальным представлениям о них – идеалам. Средствами выражения такого рода оценок выступают прилагательные *идеальный, совершенный, безукоризненный*.

Включение в перечень критериально-оценочных значений отмечаемых иногда в аксиологической литературе значений утилитарного характера (*полезный – бесполезный – вредный*) представляется нам излишним, поскольку указание на полезность или вредность чего-то для человека является, на наш взгляд, не оценкой, а обыкновенной дескрипцией.

Почти все из перечисленных выше типов критериальных оценок могут быть выражены так называемыми *общеоценочными* прилагательными. Именно данный факт обуславливает и оправдывает само существование определения *общеоценочные*. Этими прилагательными выражаются такие оценки, как: 1) количественные (*хорошая эрудиция, плохой урожай*), 2) телеологические (*хорошая возможность, плохой совет*), 3) нормативные (*хорошее поведение, плохой отец*), 4) эстетические (*хорошее пение, плохой спектакль*), 5) гностические (*хорошая гипотеза, плохой ответ*), 6) различные стандартные оценки, среди которых можно выделить: медицинские (*хорошее здоровье, плохое сердце*), потребительские (*хорошая клубника, плохой коньяк*), инструментальные (*хороший автомобиль, плохой инструмент*), оценки квалификации (*хороший учитель, плохой специалист*). Специфика критериальных оценок, выражаемых общеоценочными словами, заключается в том, что все они имеют прямое отношение к жизни и деятельности человека, определяют, способствуют или не способствуют оцениваемые объекты жизненному благополучию людей, что и заставляет интерпретировать эти объекты как хорошие или плохие [подробнее см.: 4, с. 322–355].

В качестве еще одного и, по-видимому, последнего типа свойственных полнозначительным словам лексических значений мы предлагаем выделять те значения, которые не содержат в себе ни дескрипции, ни критериальных оценок, ни определений дейктического или анафорического характера, а только лишь выражают какое-либо отношение – чаще всего отношение автора речевого сообщения к тому или иному объекту. Причем в качестве такого объекта может выступать не только обозначаемый словом референт сообщения, но и адресат речи, и даже все содержание сообщения в целом. В соответствии с такой семантической спецификацией значения этого рода вполне могли бы быть определены как *реляционные* (от лат. *relatio* – отношение).

На страницах научных работ по семасиологии рассмотрение реляционных лексических значений чаще всего ограничивается различными явлениями эмотивного характера, хотя на самом деле одними только проявлениями эмотивизма круг таких значений отнюдь не ограничивается. К числу слов, обладающих неэмотивными реляционными значениями, могут быть отнесены, например, лексемы и устойчивые фразеологизованные сочетания, выражающие определенное рациональное отношение автора речевого сообщения к его содержанию – скажем, уверенность/неуверенность

в достоверности сообщаемого (*безусловно, бесспорно, вероятно, видимо, по-видимому, возможно, как пить дать*) или указание на большую или меньшую значимость для говорящего той или иной части сообщения (*прежде всего, самое главное, в конце концов, во-первых, во-вторых* и т. д.).

Реляционные значения неэмотивного характера могут быть присущи и некоторым местоименным словам. Так, использование неопределенного местоимения *кто-нибудь* или *что-нибудь* означает признание автора сообщения в том, что ему безразлично, какое конкретно лицо или какой предмет имеется в виду, как, к примеру, в предложениях *Пусть кто-нибудь сходит в магазин* или *Принесите мне что-нибудь почитать*. Использование местоимений *кто-то* и *что-то* означает, как правило, то, что референт сообщения попросту неизвестен говорящему, как во фразах типа *Кто-то пришел* или *Что-то упало*. А местоимения *кое-кто* и *кое-что* выражают обычно нежелание назвать референт адресату речи, хотя он и известен тому, кто говорит: *Сегодня к нам кое-кто придет; Я тут для вас кое-что припас*.

Однако основную массу слов с семантикой реляционного типа составляют, конечно же, лексические средства выражения эмоционально-оценочных значений. Наиболее отчетливо такие значения проявляются в высказываниях, репрезентирующих эмоциональные оценки тех или иных объектов, исходящие непосредственно от автора высказывания, типа: *Погода просто чудо; Это просто здорово, что Вы приехали; Какой Вы молодец; Что за прелесть эти сказки; Фу, какая мерзость; Какая гадость эта Ваша заливная рыба*. Эмоционально-оценочное содержание этих и подобных им высказываний выражается посредством таких реляционно-оценочных слов, как *чудо, прелесть, здорово, молодец, мерзость, гадость* и пр. Дескрипционная семантика у этих лексем или полностью отсутствует, или сведена (как у слова *молодец*) к предельному минимуму. И это естественно: ведь их семантическая функция заключается не в передаче какой-то объективной информации о референте, а в выражении эмоционального отношения к нему говорящего.

Наглядным примером речевой реализации эмотивной реляционной семантики может служить использование лексических вокативов – тех слов, которые, будучи специализированы на употреблении в функции обращения, выражают при этом самые разные виды эмоционального отношения говорящего к адресату речи. Спектр выражаемых ими эмотивных значений может быть очень широким – от любовно-ласкательного (*золотко, лапушка, светик, котик*) до пренебрежительного и открыто враждебного (*мужик, шкет, козел, коза, мочалка, швабра* и т. п.).

Трудности в интерпретации семантики слов-эмотивов заключаются в том, что в их значениях может наличествовать и какой-то дескрипционный элемент (например, указание на пол или возраст референта), а кроме того (и это, по-видимому, главное), реляционное значение эмоциональной оценки проявляется у них далеко не во всех контекстах. Когда они используются не для выражения эмоционального отношения автора сообщения к его референту или адресату, данные слова превращаются в лексические единицы чисто дескрипционного характера, просто указывающие на то, что для их референты испытывают на себе определенное эмоциональное отношение со стороны каких-то других лиц или всех людей вообще, например: *Крысы питаются всякой гадостью* (т. е. тем, что обычно вызывает у людей чувство гадливости); *Горький-реалист сурово обличал «свинцовые мерзости» дореволюционной жизни* (т.е. вызывающие омерзение стороны быта); *Была в её игре какая-то особая прелесть* (т.е. то, что нравилось зрителям); *Бабушка души не чаяла в своем золотке* (т. е. в любимом внуке); *Мужчины, берегите своих лапушек* (т. е. тех женщин, которых любите). Такая легкость перехода реляционно-эмотивных значений в контекстуально обусловленные значения дескрипционного типа, по-видимому, и является главной причиной того, что слова с эмотивными лексическими значениями не находят своего достойного отражения в качестве какого-то особого разряда полнозначительных слов в современной литературе по лексикологии и семасиологии.

Итак, очевидно доказанным может считаться то, что семантика полнозначительных слов с точки зрения внутренней организации её содержания не сводится к какому-то единому, всеобщему образцу: наряду с наиболее распространенным дескрипционным типом здесь наличествуют еще такие типы лексических значений, как компаративные, дейктические, анафорические, критериально-оценочные и различные виды реляционных.

Но и это еще не все. Особо следует отметить возможность существования слов со значениями гибридного характера, где могут сочетаться разносущностные семантические признаки, находящиеся в соответствии с выделенными нами семантическими

типами. В большинстве случаев значения таких слов представляют собой сочетания различных дескрипционных сем с компаративными, реляционными и критериально-оценочными семами. Так, к примеру, у слова *гоминида* дескрипционная значение «живое существо из рода приматов» сочетается с компаративной семой «человекообразное, похожее на человека». Значение существительного *мерзавец* может быть представлено как сочетание дескрипционного семантического компонента «человек» с реляционным компонентом «вызывающий омерзение». В значении существительного *великан* дескрипционная сема «человек» сочетается с количественным критериально-оценочным семантическим признаком «огромного роста». А в семантике прилагательного *лживый* общее значение гностической оценки «не соответствующий действительности» сопровождается дескрипционным признаком преднамеренного искажения истины в характеризуемом как лживое сообщении или произведении.

Сочетание различных дескрипционных значений со значениями реляционного типа мы наблюдаем в семантической структуре слов, обладающих различными эмоционально-экспрессивными окрасками как смысловыми коннотациями, не входящими в состав основного лексического значения (понятийного содержания) слова. Однако это уже совсем другая тема, не имеющая прямого отношения к вопросам, рассматриваемым в данной статье.

Список источников

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 175 с.
3. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 163–249.
4. Малевинский С. О., Ахмадзай С. А. Критериальная оценочность в русской речи. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2016. 394 с.

References

1. Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya: izbrannyye trudy. M.: Nauka, 1977. 312 p.
2. Vasil'yev L. M. Sovremennaya lingvisticheskaya semantika. M.: Vysshaya shkola, 1990. 175 p.
3. Veynreykh U. O. semanticheskoy strukture yazyka // Novoye v lingvistike. Vyp. 5. M.: Progress, 1970. pp. 163–249.
4. Malevinskiy S. O., Akhmadzai S. A. Kriterial'naya otsenochnost' v russkoy rechi. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t., 2016. 394 p.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.

Научная статья
УДК 316.28+659
doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-116-121

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕКЛАМЫ)

Ю.М. Фокина

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
phokinajulia@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные коммуникативные особенности текстов медицинской рекламы. Анализ данных текстов позволяет выделить в зависимости от типа коммуникативного воздействия три доминантных стратегии, которые совместно с речевыми тактиками представляют собой совокупность лингвистических средств, направленных на реализацию основной коммуникативной цели текстов медицинской рекламы, а именно, привлечению внимания покупателей и призыва приобрести рекламируемый товар.